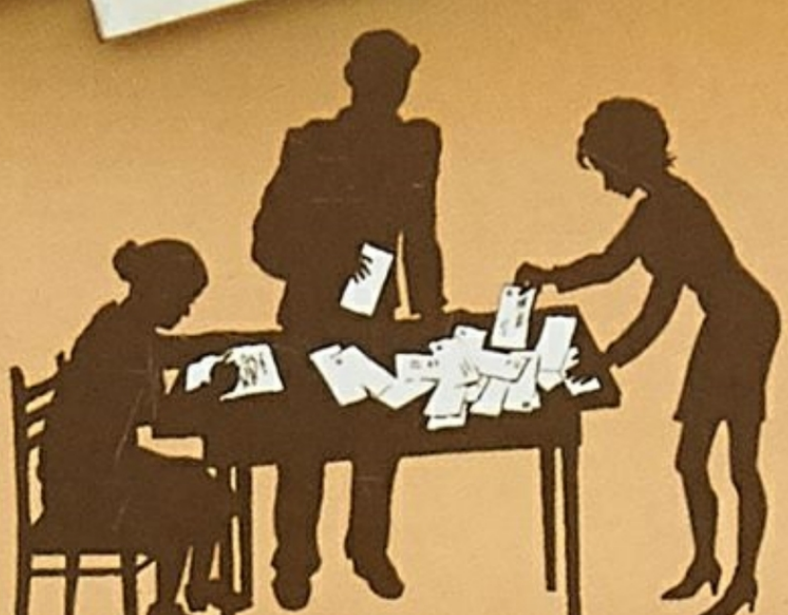
Галина Луч

Дальше жизни



16+

Галина Луч

Дальше жизни

«ЛитРес: Самиздат»
2018

Луч Г.

Дальше жизни / Г. Луч — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Герои книги проходят сложный путь от суетной и не всегда праведной жизни к настоящей вере в Бога.

© Луч Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 7
Глава 4 8
Глава 5 9
Глава 6 11
Глава 7 12
Глава 8 14
Глава 9 16
Глава 10 17
Глава 11 19
Глава 12 20
Глава 13 21
Глава 14 23
Глава 15 24
Глава 16 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1

Лето – светлая пора для природы. Неимоверная красота наполняет цветущую растительность, привлекая к ней взгляды людей. Воздух насыщается ароматами и успокаиваеще действует на утомленные, напряженные человеческие умы. Лето – время релаксаций, водных процедур, расслабления теплом, в общем – целый набор оздоровительных и натуральных мероприятий.

Городок на берегу Волги пребывал под влиянием жаротерапий. Температура побила все рекорды за последние несколько лет. Городской пляж заполнялся с самого раннего утра до отказа. Места в партере у самой воды и бельэтаж к десяти часам собирали аншлаг, только на галерке у самой проезжей дороги еще можно было найти местечко. Люди стремились к воде охладить свои перегревшиеся тела. Местные предприниматели спешили заработать, исправно таская воду, пиво, рыбу и пироги. Традиция торговли выпечкой пришла в городок с южного побережья. Люди, лежащие томно под палящими лучами, мгновенно реагировали на пищу насущную, не смущаясь ни лишними килограммами своих тел, ни качеством продукции.

Николай Погодин, расстелив свою подстилку, наблюдал за публикой из-под большого козырька белой кепки. Его загорелое тело выделялось среди окружающих. Для конца мая это было достижением. Появление на пляже мужчины средних лет, одетого в белоснежные брюки и ярко-синюю футболку, привлекли Колькино внимание. Мужчина был явно не местный. Рассеянно оглядываясь по сторонам и топчась на месте, он долго не решался ни на какие действия. Наконец, сделав несколько шагов вправо, бросил на маленький пятачок красивый кожаный рюкзак коричневого цвета. Туда же упали брюки и футболка. Еще какое-то время он как будто сомневался идти купаться или нет. Наконец, решившись, направился к воде, переступая препятствия на пути. Николай сквозь прищуренный взгляд просканировал отдыхающего, свернул свою подстилку, и проходя мимо пожитков мужчины, ловко подцепив его рюкзак, быстро исчез с пляжа.

Глава 2

Всю свою жизнь с самого рождения Николай Погодин провел в трехэтажном доме на улице Лучезарной. Небольшая «двушка» осталась его матери от родителей. Дом был старый, неухоженный, как в прочем, и все остальные здания. Жильцы выживали кто, как мог, латая свои ветхие лачуги. Строительство в городе шло вяло. Николай рос смышленым ребенком. Учился в основном на четверки, пятерок было мало, но и троек тоже не густо. Любил гулять, но и книжки читал с удовольствием. Все бы ничего, но как всегда, если бы… если бы не ушел из семьи отец к молодой розовощекой девахе, оставив сына и трехлетнюю дочку без своей опеки. Если бы в этот роковой момент в жизни тринадцатилетнего Кольки не появился Сашка Клещ, все, наверное, могло сложиться по-другому. Но сложилось, как сложилось и не рассыпалось, а наоборот – заложилось фундаментом во взрослую жизнь. В четырнадцать лет его поставили на учет в полицию, а уже в шестнадцать он попался на групповой краже, которую не совершал, а по глупости оказался рядом. Отбывая срок в колонии, Коля для себя решил, раз жизнь его повела по такому пути, то он пойдет по нему как самостоятельная криминальная единица. Получив «хорошее образование» от дяди Жоры, вора-индивидуалиста, Колька смело шагнул в свободное плавание, жестко защищая от братков свою независимость и свободу выбора. Ему это удалось. Со временем от него отстали и даже зауважали. Он промышлял мошенничеством и воровством. Деньги были небольшими, но стабильными, на жизнь хватало. Колька не вел разгульную жизнь. Любил почитать, несколько раз пытался начать работать, но не задалось. Мать не имела влияния на сына, она слишком была слаба, и характером и здоровьем. Ей не хватало сил воспитывать детей со сложными характерами. Зинаида, сестра Кольки, тоже не отличалась хорошим поведением, хотя закончила десять классов без троек. Ей все легко давалось, а свободное время тратила, слоняясь с друзьями по улицам родного городка, ища приключений на свою несовершеннолетнюю головку. Часто имя брата спасало ее от нежелательных домогательств. Сложившаяся жизнь шла своим чередом, если бы как всегда не превратности судьбы.

Ехал двадцатипятилетний Колька на трамвайчике домой, прижимая к себе сумку, в которой лежал коричневый кожаный рюкзак, и не подозревал, что жизнь его скоро изменится до неузнаваемости. Дело не в деньгах, это было бы слишком банально и просто, дело в Божьем промысле.

Глава 3

Скамейка со столом возле раскидистой липы рядом с подъездом была пуста. Ветераны двора, проводившие за ней все свободное время, почему-то отсутствовали. Колька был рад этому явлению. Неодобрительные взгляды в его сторону вызывали чувство раздражения. Взлетев на третий этаж, Николай прошмыгнул в свою комнатушку. Когда-то это была кладовая. Родители держали там все нужные и ненужные вещи. Колька, вернувшись из колонии, вытряхнул оттуда все имущество и устроил себе кабинетик со спальным местом. Усевшись на кровать, он достал из сумки рюкзак хорошего качества, не торопясь расстегнул все пряжки и извлек икону средних размеров с изображением старца. Осмотрев находку и поняв, что ценности она не представляет, Колька крепко матюгнулся и отбросил ее в сторону. В надежде на что-нибудь прибыльное, он начал нервно рыться в рюкзаке. Две просвирки, аккуратно завернутые в салфетку, три восковые свечки и книга «По ту сторону жизни» повергли Николая в полное недоумение. Такого улова у него еще никогда не было. Матерные слова застряли в горле. Он выскочил на кухню и залпом выпил стакан воды. Дышать стало легче.

«Вот придурок в белых штанах… А с виду такой приличный… Идиот…» Он засунул все обратно в рюкзак и задумался: «Куда это теперь девать? Выброшу на помойку, когда стемнеет» – решил он.

Вообще было не в его правилах ворованные вещи приносить домой. Но сегодня как-то все пошло не по его правилам. Разозлясь не на шутку, он выскочил во двор. Устроившись на скамейке под липой, Колька с жадностью закурил, прищурив глаза от пробивавшихся сквозь ветки лучей солнца.

– Коль, мать дома? – высунувшись из окна второго этажа, тетка Сима бросила горсть пшена на улицу. – Гули, гули, кушайте, мои хорошие, сейчас водички вам вынесу. Чего молчишь, мать дома?

– Нет ее! – рявкнул Колька.

– Чего так грубо-то, а? Настроение плохое? Иди вон на пляж, искупайся. Жарища-то такая.

– Я уже там был.

– Так еще сходи. Делать-то тебе все равно нечего, – тетка Сима скрылась за окошком.

– Ну, язва. Делать мне, видите ли, нечего. Ты-то откуда знаешь, кикимора болотная. Ну, подожди… Я всех твоих гулей отравлю, – он сделал глубокую затяжку и сдвинулся на край скамейки, прячась от солнца.

«День явно не задался. Это ж надо – иконка, хлебушек насущный, свечки в придачу… тьфу ты… Мобильный в штанах, наверное… Надо было и их подцепить, чтобы этот придурок без порток остался. А что я так раскипятился, что меня так задело? Бывало вообще пустота»

Колька попытался отвлечься, переведя свое внимание на соседа.

– Здорово, Иваныч!

– Привет, Коля. Как дела?

– Хорошо. Погодка-то стоит отменная.

– Да уж, а я вот к жене в больницу спешу.

– Что-то серьезное?

– Да пока обследуют… – махнул он рукой и скрылся за углом дома.

«Все спешат куда-то, а я, как пенсионер, сижу на скамеечке», – Колька встал и направился к лодочной станции.

Глава 4

Зинаида топталась возле школы, дожидаясь свою подругу, которая забыла форму по физкультуре. Распущенные до пояса волосы трепал во все стороны ветер, легкая коротенькая юбочка то и дело взлетала вверх, создавая неудобства.

– Зинка! – услышала она голос Ваньки из параллельного класса. Придерживая одной рукой волосы, другой юбку она подошла к приятелю.

– Мы сейчас со Стасом и Толяном двигаемся пиво пить в «Жасмин», айда с нами!

– Ладно, придем с Галкой через часок.

– Твою Галку развезет, как в прошлый раз, – недовольно сказал Ванька.

– Без нее не пойду, – твердо ответила Зинаида.

– Ну ладно, ладно, приходите на наше место, – и он исчез за школьной калиткой.

Толстая неповоротливая Галка Титова, споткнувшись о Петьку Сидельникова из 9 «Б», чуть не рухнула со школьного крыльца.

– Ты чего, корова… – послышался отборный мат, – смотри куда идешь, так и задавить можно.

Галка не обиделась. Она привыкла, что ее обзывают лошадью, слоном и даже трактором. Она смелась над собой вместе со всеми. А куда ей было деваться? Жизнь, считала она, не выбрала ее в любимчики, а строила всяческие козни. Мать с отцом, как многие родители, особенно не задумывались о воспитании ребенка. Сыта, одета, умыта и, слава Богу. На внешний вид дочери не обращали никакого внимания. Хороший аппетит для подростка – естественное состояние. А Галя наворачивала за троих подростков, заедая двойки, обиды, унижения сладкими булками.

– Давай быстрее, замучилась с ветром бороться. Сейчас по домам, а через час в «Жасмин» пиво пить. Все, иди! – скомандовала Зинка и быстро исчезла.

Галя Титова вовсе не хотела идти в такую жару пить пиво, но она даже не рассматривала иные варианты и обреченно побрела по улице.

Учебный год подошел к концу. Ребятам снесло головы от жары и свободы. Десять учебных лет остались за плечами. Гуляй, молодежь! Под таким девизом Зинка быстро умяла лежащие на сковородке котлеты, убрала в хвост свои тяжелые русые волосы и выскочила на улицу, как пробка из бутылки.

Она бежала, подгоняемая ветром. В ее юной головке не было никаких мыслей, и это состояние создавало особое настроение.

Мальчишки уже сидели в излюбленном месте – недалеко от кафе «Жасмин». Ребята давно присмотрели уютное гнездышко среди кустарника, притащили туда пару бревен, из фанеры соорудили стол и назвали свое заведение «Жасмин 2» или «Сирень 1», коротая там все свободное время. Играя в карты, распивая спиртные напитки и накурившись до тошноты, они чувствовали себя взрослыми. Что за такой безответственный возраст, когда совсем не задумываешься о последствиях? Здоровье – это где-то в другом измерении, в иных мирах, в ином возрасте. Ребята дымили вовсю, не исключая девчонок, ругались отборным матом и запивали все это пивом или вином.

Глава 5

Волга дышала приятной прохладой, и Кольке не хотелось вылезать из ее вод. Он долго плавал, нырял и просто лежал на спине, вглядываясь в яркое небо без единого облачка. Спортом он не увлекался, но кулаки отработал. Удар у него был жестким, сильным и реакция, достойная хорошего боксера. Его нельзя было записать в красавчики, но мужской шарм присутствовал. Если ему кто-то нравился, он добивался своего без особого напряжения. Недавно Николаю исполнилось двадцать пять лет. Четверть века пролетела быстро, не зацепив его ни настоящей любовью, ни интересным делом. Он несколько раз устраивался на работу, но долго там не задерживался. Николай хотел свободы и независимости, смутно представляя, что это такое. Для него много свободного времени и денег – и была та самая свобода. Он выбрал свое «колесо судьбы» и покатился по дорожкам, не управляя этим колесом, не имея желания вылезти из него. Как говорится – засосало!

Высохнув под палящим солнцем, надев рубашку и шорты, Колька отправился к другу детства Виктору Скворцову. Витька по прозвищу «скворец» трудился на прогулочном теплоходе. Он был хорош собой, легок в общении, высок ростом и далеко не глуп. Матросская форма, речной ветерок кружили головы девчонкам, выдувая последние мысли. Они замирали перед такой красотой и пламенным взором, готовые к любым приключениям, не задумываясь о последствиях. Как правило, все быстро начиналось и быстро заканчивалось. Витькины чувства ограничивались сексуальными утехами. В выходные дни на прогулочный теплоход невозможно было попасть из-за влюбленных девчонок, способных на все. Виктор Скворцов знал, чем занимается его друг детства, хотя Николай никогда ничего не рассказывал. Влезать в Колькину жизнь не хотел. Скворцов считал, что каждый устраивается в этом мире, как хочет и как может. Он пытался устроить друга на работу, но не сложилось. Колька для Виктора был загадкой. Он не бегал за юбками. Мог обходиться без женщин достаточно долго и не любил шумные компании. Разные по темпераменту, они дружили с первого класса и, несмотря ни на что, уважали друг друга.

Николай застал Скворцова с очередной влюбленной дурочкой. Витька так называл девчонок – «влюбленные дурочки». Они все были готовы прыгнуть в его объятия по первому зову.

Дав команду девушке высаживаться на берег, он тут же про нее забыл.

– Привет, Колян, рад тебя видеть, вовремя ты появился. У меня есть часок свободный до смены. Пошли в кафе, жрать хочу.

– Пошли, – наморщил лоб Колька.

– Чего такой хмурый?

– Да как-то день не заладился с самого утра.

– А чего так? – Витька прошел на открытую веранду и занял столик возле вьющегося по стене плюща. – Люблю здесь сидеть – тенечек, ветерочек. Чего будешь?

– Пиво и яичницу по-флотски. Слушай, Вить, я сегодня икону нашел.

– Старинную? – спросил заинтересованно Скворцов.

– Да какая старинная, так, ерунда.

– Ну и что дальше? – Витька выжидающе смотрел на друга.

– Да чего-то на душе муторно, еще там три свечки и хлебушек какой-то.

– Где «там-то»?

– Да в сумке: икона, свечки и хлеб, – раздражаясь, Колька выругался.

– Просвирки что ли?

– Ну, может и просвирки. Я не разбираюсь. К чему бы это?

Витька, усмехнувшись, развалился на стуле, положив ногу на ногу.

– Ну, брат, это тебе привет с того света.

– Чего? – Колька привстал.

Худенькая официантка принесла поднос с дымящейся яичницей и улыбнулась Витьке. Он подмигнул ей и придвинул к себе тарелку.

– Ну, Колян, налегай на пищу насущную.

– Чего ты сказал, придурок, какой привет с того света? Отвечай за базар!

– Ты себя, Коля, слышишь, а? За какой базар я должен отвечать? Жри давай, пока горячая. Сам подумай – свечки, просвирочки… Может, там еще что-то было? – Скворец подцепил кусок яичницы и отправил его в рот.

– Книжка была.

– Как называется?

– «По ту сторону жизни», – тихо ответил Колька.

У Витьки округлились глаза. Вилка застыла в воздухе.

– Вот видишь, о чем я и толкую…

– Нет, не вижу и не понимаю.

– Книжка все на свои места расставила. Название само за себя говорит – «По ту сторону жизни». Значит, тебе привет с того света.

– От кого привет? – Колька весь напрягся.

– А чья икона? Кто на ней изображен?

– Не знаю. Мужик какой-то с седой бородой.

– Вот от него и привет! – и Витька заржал так громко, что все посетители оглянулись.

– Дурак ты, Скворец, – Николай взял вилку и начал ковырять ею в тарелке.

– Эй, ау, дружище, о чем думаешь?

– А чего ему надо от меня?

– Кому? – не понял Витька.

– Да мужику этому с иконы.

– Ну, брат, не знаю… Это думать надо, а мне сейчас на работу. Ты в церковь сходи, поговори, скажи: так, мол, и так, иконку нашел, – и Витька опять рассмеялся.

– Ну чего ты все ржешь, как лошадь? – возмутился Колька.

– Колян, я ведь шучу. Ты чего, брат, шуток не понимаешь? Да мало ли что люди находят, не заморачивайся.

– А что мне с этим делать? – не унимался Колька.

– Просвирки съешь, книжку прочитай, иконку со свечками дома в угол поставь. Не думал, что ты такой мнительный. Это ж надо, в привет с того света поверил. Забудь! Ладно, я пошел, мне пора, а ты доедай, а то неизвестно, что с тобой дальше будет. Может, на пост сядешь, – и он, рассмеявшись, отправился к выходу.

Глава 6

Ветер пригнал откуда-то спасительные облака, и сразу стало легче дышать. Яркая белая вата появилась очень вовремя для восьмидесятилетнего Михал Михалыча из двадцать пятой квартиры. Он сидел на ветеранской скамеечке под липой, наблюдая за узорами на небосводе. Вдовец со стажем еще недавно был завидным женихом, но так ничего и не сложилось. Михал Михалыч – один из самых уважаемых людей в городе. Он имел звание профессора технических наук. Соседи его так и прозвали – «профессор» и относились с большим почтением.

Когда его единственный сын обзавелся женой и дочкой, профессор оставил ему свою большую профессорскую квартиру в центре города, а сам с женой переехал в небольшую «двушку» на улицу Лазурная. Его Наташа ушла в мир иной через несколько лет после переезда. А совсем недавно его сын, Олег Михайлович, уйдя из семьи, временно перебрался жить к отцу, пока его однокомнатная квартира достраивалась. Сорокавосьмилетний заслуженный артист местного театра попал под влияние своего критического возраста. Появилось непреодолимое желание нравиться молодым женщинам и девушкам. Жена и двадцатилетняя дочь не смирились с его столь юными порывами в столь ответственном возрасте и попросили уйти из дома. Отец осуждал сына, но очень тактично, боясь стать сварливым стариком. Невестку и внучку Леру он поддерживал, насколько мог.

Колька, проходя мимо профессора, поздоровался. Старик оживился.

– Здравствуйте, сударь. Вы-то мне и нужны, – подвинувшись, он пригласил Николая присесть на лавочку. – Можно у вас проконсультироваться?

– Михалыч, так вы сами все знаете. Как я, безграмотный, могу давать консультации профессору? – Колька присел рядом и закурил.

– Я, Николаша, уже отстал от технического прогресса. Хочу своей внучке хороший телефон подарить, а мало что в них понимаю.

– Телефоны – это моя стихия, – улыбнулся Колька. – Проконсультирую, не сомневайтесь.

Из подъезда вышел сын Михал Михалыча в белоснежной рубашке и в темных модных очках.

– У меня репетиция, скорее всего, ночевать не приеду, – небрежно бросил он отцу и направился к машине.

– Здравствуйте, Олег Михайлович, – крикнул ему в след Колька.

Тот, не оборачиваясь, поднял руку и исчез в машине.

– Ну и важный он у вас. Артист, одним словом.

– Ох, Николаша, грустно мне смотреть на взрослого мужика, впадающего в подростковый период, – старик достал платок и вытер слезившиеся глаза. – Стыдно за него.

– Да ладно, профессор, с кем не бывает… Я у вас спросить хотел.

– Спрашивай, Николаша.

– Я нашел икону, но не пойму, кто на ней изображен. Поможете?

– Приноси, Коля, будем разбираться.

– Я сейчас, быстро, – и он скрылся в подъезде.

Глава 7

Николай летел вниз по лестнице, держа перед собой двумя руками икону. Тетка Сима закрывала дверь, напевая мелодию из своей молодости. Увидев несущегося Кольку с иконой, отпрянула в сторону.

– Ох, свят, свят, никак что-то случилось, – всплеснув руками, прошептала она. – Коль, что там у вас произошло?

– Не до тебя, теть Сим.

Услышав такой ответ, она встала, как вкопанная.

– Машка померла! Не выдержала проблем. Ох, горе-то какое…

Михал Михалыч сидел, умиротворенно глядя по сторонам. Солнце поднялось высоко, обдавая своей мощью и жаром.

– Ну и раскочегарилось не на шутку, еще чуток и дышать нечем будет, – сказал профессор приближающемуся Кольке. – И облака куда-то исчезли. Давай, Николаша, посмотрим, – он взял аккуратно икону.

– Так это же Николай Чудотворец!

– Мой тезка.

– Это ты его тезка, а не он твой. Великий святой Николай Чудотворец, вот и надпись, видишь в уголочке? – профессор обтер икону уголком своей рубашки. – Загрязнилась немножко.

Из подъезда выбежали тетка Сима и Люба из четырнадцатой квартиры. Сорокапятилетняя Любовь Всеволодовна выглядела довольно странно со сковородкой в руках, с бигудями на голове и босиком.

– Ох, горюшко-то какое, – заголосила она своим высоким музыкальным голосом.

Тетка Сима жалостливо спросила:

– Где она… В морге? – ее глаза «навыкате» выкатились еще больше, напоминая теннисные шарики.

– Кто в морге? – не понял Колька.

– Да мать твоя в морге.

Николай плюхнулся на скамейку, потеряв дар речи.

– Колюшка, о чем они? – растерявшийся профессор начал тщательно протирать свои очки, надеясь рассмотреть в них что-то для него непонятное.

Любовь Всеволодовна Мухина, музыкальный работник по части гармонии, явно не знала, куда пристроить свою сковородку с котлетами. Наконец, поставив ее на траву, заголосила:

– Мы с ней двадцать лет рука об руку, добрые люди… Как же так… Нет больше моей подруженьки.

На шум вышло еще несколько соседей. Начались вздохи, охи и слезы.

– Успокоились! – приказным тоном сказала тетка Сима. – Надо организовать похороны.

– Зинка-то знает? Ой, горе-то какое, ее ведь еще воспитывать надо. Девчонка совсем, – продолжала голосить Любовь Всеволодовна.

К собравшейся толпе присоединился Владимир Иванович, возвращавшийся из больницы от своей жены.

– Кого хороним? – с волнением спросил он.

– Маша померла, – утирая передником слезы, ответила Люба.

– Как? Я же это… Только что ее видел. Она за колхозным творогом в очереди стоит.

Образовалась тишина.

Николай ничего не слышал. Одна и та же мысль кружилась в голове: «нет мамки больше… нет мамки… как же мы теперь?»

– Коль, очнись, когда мать-то померла? – теребя его за плечи, спросила Галина Петровна из соседнего подъезда.

– Я… Я только сейчас узнал от тетки Симы, – онемевшим языком медленно вымолвил Колька.

Все посмотрели вопросительно на Симу. На ее круглом лоснящемся лице появилось удивление.

– Как от меня?

Она настолько растерялась, что не смогла сформулировать ни одной мысли по поводу своего умозаключения.

Все терпеливо ждали объяснения.

– Как от меня… Ты ж это… С иконой, весь взволнованный… Я ж икону-то увидела и… Так просто с иконами не бегают… Выставил ее вперед… Ох, Господи…

– Я икону Михал Михалычу нес, – слова, застрявшие где-то в грудной клетке, еле произносились.

Все посмотрели на профессора.

– Ну да, мне нес икону.

– А я же подумала, померла Машка. Ты же, Колька, с иконами-то никогда не бегал.

Пот струился по Симиному красному, как мак, лицу.

Первой засмеялась Любовь Всеволодовна, за ней все остальные, кроме Кольки.

Из-за угла появилась Маша с двумя сумками. Николай так обрадовался, что сам себе удивился. Он бросился к матери, взяв из ее рук продукты.

– Что за сбор? – спросила она.

Но все быстро разошлись, оставив Машу с сыном одних.

– Так что случилось-то, сынок? – спросила Мария.

– Пошли, мать, домой, на солнце вредно стоять, – Коля открыл дверь дверь подъезда.

Глава 8

Весь вечер Николай просидел дома. Это был редкий случай, когда ему не хотелось никуда идти. Солнце уже давно отправилось на покой, освобождая людей от жары и суеты. В кладовке дышать было нечем, не спасал ни вентилятор, ни дверь, распахнутая настежь. Лежа на диване, Колька пытался понять, что за история такая произошла с ним. Ему совсем не нравилось его непривычное состояние. Вместо веселой компании где-нибудь в кафешке или в постели у Ирки, нынешней пассии, он лежит дома, думая Бог знает о чем о чем.

– Мам, поди сюда.

– Чего, сынок? – мать вошла в комнату с дуршлагом в руках. – Макароны вам сварила. Ты не болен часом?

– Мам, ты почему меня Николаем назвала?

– Так это… – Мария присела на стул. – В честь святого Николая Чудотворца.

– А почему в честь Чудотворца?

– Так я ему молилась. У меня угроза выкидыша была.

– А что это значит?

– А то и значит, если бы не Николай Чудотворец, тебя и не было бы на этом свете.

– А Зинка?

– А что Зинка? С ней я нормально ходила. Да и в церковь уже не было времени бегать.

– То-то и видно по ней, – усмехнулся Николай.

– Чего видно-то, а? Я вон за тебя молилась, молилась, да и сейчас хожу в церковь, свечки ставлю, чтобы ты за ум взялся.

– Кому свечки ставишь?

– Так Николаю Чудотворцу и ставлю. Сынок, надо на работу устроиться. Душа болит, глядя на тебя, – мать украдкой вытерла слезы, появившиеся на уставшем лице.

Николай подошел к распахнутому окну.

– Прямо мистика какая-то!

– Ты о чем, Коль?

– Да ни о чем… О жизни. Часто ходишь?

– Куда, сынок?

– Да в церковь, – раздраженно рявкнул Николай.

– Хожу, когда время есть. Работаю ведь с утра до вечера. Зинке-то вон сколько надо.

– А кстати, где она, время-то не детское?

– Так Зина всегда так приходит, когда погода позволяет. Тебя-то нет, и она туда же.

– Я ей покажу «туда же»… – ему было неприятно слышать слова матери.

Из коридора донеслись звуки открывающейся двери.

– Вот и она, легка на помине. Ты поговори с ней, сынок, мала ведь еще так шляндать. Пойду, вам макароны положу.

Зинаида вплыла в комнату, чуть шатаясь. Растрепанные волосы и блеск в глазах сестры взбесили Кольку.

– Ты где шлялась? – заорал он.

Она шмыгнула в туалет и закрылась.

– Вот так всегда, – тихо сказала Мария. – Ну что с ней делать?

– Розгами бить, мелочь малолетнюю.

– За что бить-то? Я вон школу с одной тройкой закончила. Все гуляют, а я чем хуже? – Зинаида чувствовала себя правой.

– Почему от тебя спиртным пахнет? – Мария в обществе сына почувствовала себя увереннее.

– Я уже взрослая и могу позволить на дне рождения друга расслабиться.

– У тебя чуть ли не каждый день – дни рождения. Зинка, ну подумай ты головой своей, негоже так молодой девчонке гулять ночами, – Мария заплакала.

– Еще раз увижу тебя в таком виде, и отметки твои не помогут. Я на таких малолеток, отличниц, насмотрелся, – кричал Колька. – Запомни, никакого спиртного!

– А пиво? – возмущенно пискнула сестра.

– Ни-ка-ко-го!

– Ладно, поняла, – Зинка пошла на попятную, решив не провоцировать дальше родных.

Мать принесла макароны, и Колька удалился в свою кладовку. Закончив с насущной пищей, он достал из пресловутого рюкзака книжку «По ту строну жизни».

Глава 9

Ночь выдалась душной, безветренной. Окна в квартире тетки Симы были распахнуты настежь, но дышать все равно было нечем. Она встала с постели и уселась на подоконник.

– Как же так сегодня получилось? Свою подругу заживо похоронила. Теперь надо мной смеяться будут. Все не как у людей, – и она заплакала.

Громогласная, претензионная, упертая в свою правду Сима на каком-то этапе жизни стала теткой. И так к ней прилепилось это прозвище, что даже ровесники величали ее так.

Она подошла к зеркалу и внимательно стала рассматривать себя. Круглое лицо совершенно без морщин, большие немного на выкате глаза, и почему-то всегда розовые щеки напоминали ей родную бабку Феклу.

«Копия бабка! Вроде я не толстая, а лицо просто морда. Почему я «тетка»? Ну, хотя бы тетя Сима, нет, «тетка» и все тут. Мне всего-то пятьдесят два года, какая я им тетка… – крепко выругавшись, она улеглась обратно в кровать, – вот так и доживу одна свой век: без мужа, без детей!» – вспомнив свой первый и последний аборт, она опять пустила слезу.

Работа у Симы была тяжелой и ненавистной, но деваться было некуда, в маленьком городочке, без специальности. Так и трудилась много лет санитаркой в городской больнице.

– Все силы выпили, вампиры, изверги. Я, может, тоже душой больна, – в сердцах выкрикнула она. – Ненавижу эту больницу с ее обитателями!

Тетка Сима терпеть не могла больных, особенно тяжелых, часто ссорилась с соседями из-за разных пустяков, но зато всем сердцем любила голубей, жалуясь им на свою несправедливо сложившуюся судьбу.

Глава 10

Михал Михалычу тоже не спалось. Он долго читал рассказы Чехова и, вспомнив историю с Симой, рассмеялся.

– Вот ведь оказия получилась… А Колька-то поверил. Чехов, наверняка, оформил бы эту историю в рассказ. Ну и Сима, правда, что тетка. Как хорошо, когда все хорошо кончается.

Он повернулся на бок и со вздохом прикрыл глаза. Вдруг резко, как всегда среди ночи, зазвонил телефон, и взволнованный голос внучки зазвучал в трубке.

– Дедушка, маме плохо, не знаю, что делать, позови папу, может он приедет?

– Лерочка, его нет, я сейчас позвоню…

– Да не отвечает у него мобильный, я уже звонила.

– Что с мамой?

– Не знаю, может сердце, вся грудь болит сильно. Я дала сердечные лекарства, но лучше не становится, – Лера заплакала.

– Срочно вызывай «скорую», а я сейчас приеду.

Он положил трубку и начал искать телефон такси.

«Где же я его записывал, ну где… Ох, Господи, что же делать-то?» – он выглянул в окно, надеясь увидеть своего возвращающегося с ночной прогулки сына.

За ветеранским столом под фонарем сидел с книжкой Колька. Быстро одевшись, профессор спустился во двор.

– Николаша, выручай. Срочно такси нужно, телефон не могу найти.

– Что-то случилось?

– Да, снохе моей плохо. Скорее, милый, придумай что-нибудь.

– Да чего думать-то, вон моя колымага стоит. Вы, Михалыч, не смотрите, что она совсем старая. Я внутри давно порядок навел, сейчас за ключами сбегаю,– Николай исчез в подъезде.

Когда они подъехали к дому, врачи уже выносили Елену Федоровну на носилках. Лера шла рядом, размазывая слезы по лицу.

– Дед, как хорошо, что ты приехал. Мне так страшно было.

– Ничего, ягодка моя, вылечим. Что врачи говорят?

– Подозрения на инфаркт.

– Ох ты, Господи, допереживалась. В какую больницу повезете? – спросил Михал Михалыч у врача.

– Да у нас здесь одна, седьмая. Да не переживайте, поставим вашу маму на ноги.

– Я с вами, – Лера полезла в машину.

– А вот это не надо, девочка. Сейчас ночь, тебе там совсем делать нечего будет. Вот завтра к восьми часам добро пожаловать.

Набирая скорость, «неотложка» скрылась за поворотом.

– С утра поедем вместе в больницу.

– Нет, дед, я сама справлюсь, одного больного достаточно. Тебе себя беречь надо. Сердечко-то тоже шалит.

– Это Коля, мой сосед.

– Очень приятно, Коля, мы с вами часто сталкивались во дворе вашего дома. Отвезите деда обратно. Извини, что сорвала тебя с места, мне так страшно стало за маму.

– Да что ты, милая… Держись… Может, мне с тобой остаться?

– Нет, я уже успокоилась, – Лера поцеловала Михал Михалыча в щеку.

– Все хорошо будет. Садись, Михалыч, поедем обратно, – Николай распахнул дверцу.

Они с профессором вернулись в свой пустой двор далеко за полночь.

– Как хорошо, что ты не спал и оказался в нужном месте в нужное время.

– Да уж, странно, что я вообще дома был.

– Коль, а что за книжку ты читал? – любопытство промелькнуло в глазах Михал Михалыча.

– Дома душно, вот я и спустился, а книжка называется «По ту строну жизни».

– Ну и как там, по ту сторону? Мне ведь скоро туда отправляться придется.

– Да все там в порядке будет, если здесь не плошать. Знаешь, профессор, у меня сегодня сложился какой-то очень непростой день.

– Да уж… Пойду я, Николаша, устал очень. Утро почти на дворе, – он скрылся в подъезде.

Колька подставил руки ветру, неизвестно откуда взявшемуся, и замер, обдуваемый со всех сторон.

Глава 11

Дождь обрушился на город не шуточный. За считанные минуты образовались большие лужи. Прохлада добралась до кладовки Николая. Спалось ему крепко и сладко. Зинка тоже подсапывала, лежа на спине, не перевернувшись ни разу за ночь. Снился ей приключенческий сон, как будто бы их городок затопило, а ее брат, соорудив плот, всех подбирал и переправлял на островок, усеянный яркими цветами. Зина вся была погружена в атмосферу своего сновидения.

Мать ушла на работу, во дворе кричала детвора, восторженно прыгая по лужам. Босые ножки радостно ощущали прелесть жизни, великолепие природы, и ничего им в эти мгновения было не нужно, кроме особого настроения. Милое детство со всеми естественными прелестями, простыми желаниями и не замороченными мыслями. Во дворе царило мироудовлетворение.

Настойчивый звонок в дверь заставил, наконец, Николая среагировать. Он понял, что кроме него никто не откроет, и медленно побрел в коридор.

– Чего надо? – недовольно спросил он у женщины.

– Телеграмма вам. Вот, распишитесь.

Колька поставил свою закорючку и быстро закрыл дверь. Потерев глаза и устроившись в кресле, он прочитал: «Ваш отец умер. Похороны в понедельник. Приезжайте по адресу…»

Николай не стал читать дальше. Он сначала даже не понял, что речь идет о его отце, который бросил их много лет назад, и не подавал о себе никаких признаков жизни: ни алиментов, ни подарочков к дням рождениям, ни-че-го!

– Чепуха какая-то, – он перечитал еще раз неожиданное послание.

– Коль, кто приходил? – сонная Зинаида вышла из комнаты.

– Покойничек.

– Ну и шутки у тебя с утра пораньше.

– Какое утро, на часы посмотри. Отец наш, Зинка, объявился с того света. Он и звонил.

«Привет с того света и хохот Витьки яркой вспышкой озарили его сознание».

– Что же это, он был прав? Привет с того света, – Колька смотрел в одну точку, пытаясь что-то сообразить.

– Ничего не понимаю. Эй, Коль, ты меня слышишь? Объясни, что за привет!

– Мистика какая-то, – он вскочил с кресла и начал расхаживать из угла в угол.

– Какая мистика? Да ну тебя, – Зинка направилась в ванную.

Колька сунул ей телеграмму в руки.

– Ничего себе сюрпризики выходного дня. Жили, жили, не тужили без него… – сестра положила телеграмму на стол. – На похороны не поеду, я его вообще не помню. Мне всего три года было, когда этот кобелина исчез из нашей жизни.

– А я хорошо помню. Помню, как поклялся отомстить за предательство и даже искал его в городе с ножом. Хорошо, не нашел.

– Давай выбросим эту телеграмму и маме ничего не скажем. Зачем ее травмировать воспоминаниями?

Колька, усевшись за стол, задумался.

– Чего молчишь? – Зинка спрятала бумажку между книжками.

– Хорошо, матери ничего не говорим, – он встал, прошел на кухню, выпил залпом стакан молока, взял мобильный и скрылся за дверью.

– Коль, ты куда?

– За кудыкину гору, – услышала она уже с лестницы.

Глава 12

Лера бродила по коридорам больницы, пытаясь найти нужную палату. Страх за маму подстегивал ее.

– Ну и лабиринты, кто только придумал такой проект? Девушка, вы не подскажите, как найти двадцать шестую палату?

– Вам надо выйти на лестницу, спуститься на один пролет и вы увидите дверь.

Лера побежала снова на лестничную клетку и, наконец, обнаружила потаенную дверцу.

– Ну, никогда не догадалась бы, – подумала она.

Девушка попала в длинный коридор и остановилась возле нужнего номера нужный номер.

Елена Федоровна лежала у окна в восьмиместной палате, увидев дочь, заулыбалась. Сердце ее забилось учащенно от жалости к себе и Лерочке. Быть обузой дочери ей очень не хотелось, и она корила себя за безответственное поведение к своему здоровью.

Лера нежно поцеловала мать в бледные щеки.

– Я поправлюсь, Лерочка, ты не волнуйся, моя девочка. Тебе сессию сдавать, а тут я…

– Это ты, мамочка, не волнуйся, я и сессию сдам и за тобой присмотрю.

– Ох, Лена, дочка у тебя хорошая. Быстро тебя на ноги поставит. Иди, девонька, с врачом поговори, может, лекарства нужно купить хорошие. Сейчас ведь самыми дешевыми в больницах лечат, – посоветовала соседка по палате.

– Спасибо вам, – Лера скрылась за дверью.

– Хорошая у тебя дочка. Такая в беде не бросит.

– Да как их разберешь? Дома многие тише воды, а на улице монстры.

– Ты, Людмила Николаевна, тоже права, и так часто бывает, но эту сразу видно, что хорошая.

Лера очень любила мать, отца, и деда. Больше у нее никого не было. Мамины родители рано ушли из жизни, не насладившись ролями бабушки и дедушки. Папина мама немного приняла участие в ее школьной жизни, но тоже рано покинула их. Дедушку Лера любила особенной любовью. Он был для нее старшим другом. Много мудрых советов получала она от дедушки и с удовольствием ими пользовалась. Валерия понимала мудрость и принимала ее с радостью. Много незатейливых тайн доверяла внучка своему деду-мудрецу. С отцом было гораздо сложнее. Когда Олег Михайлович начал свои «гастроли в юность», Лера приняла сторону матери и никакие подарки, уговоры, объяснения не смогли вернуть былые отношения.

Открыв дверь ординаторской, она увидела дедушку уже беседующего с врачом.

А Олег Михайлович, с вечера отключив телефон и проведя ночь в компании юных дев, под утро уснул крепким младенческим сном в объятиях одной из них. Закружила какая-то невидимая сила стареющего героя-любовника, и ему было хорошо в этом состоянии свободы и независимости, как будто и не было у него жены, дочери и старого отца.

Глава 13

Голубиная драка на балконе разбудила тетку Симу. Немного потянувшись, она сразу отправилась к своим любимцам.

– Тихо, тихо, ишь расшумелись. Сейчас, родненькие мои, мамочка вас накормит, – насыпав пшена, хлебных крошек, приготовленных с вечера, Сима отправилась варить себе кофе.

Растворимый она разлюбила, предпочитая молотый, сваренный в турке с добавлением щепотки корицы. Привила ей любовь к таким изыскам Люба Всеволодовна из квартиры напротив. Она преподавала в музыкальной школе по классу гармонии. Редкий инструмент в наше время спросом не пользовался, и Любочка подрабатывала, чем придется. В отличие от Симы она любила свою работу. Сорокавосьмилетняя баянистка иногда участвовала в городских концертах. Это были лучшие дни в ее одинокой жизни. Судьба не баловала Любу. Родив ребенка, она уже через год развелась. Муж аккордеонист все время пропадал то на концертах, то на гастролях, так и растворился на просторах Родины. Она отвезла дочку Танечку к маме за город и постепенно забыла о своих материнских обязанностях.

Жизнь закрутила, завертела, но плодов не получилось. Осталась Люба одна: без мужского плеча и без любви дочери. Тане от мамы с папой достался музыкальный талант, и, окончив успешно музыкальное училище, она отправилась в Москву искать лучшей участи для себя. Матери Татьяна звонила крайне редко и Люба ничего не знала о жизни своей дочери.

Тетка Сима с Любовью Всеволодовной были совсем разными, но их объединяло одиночество.

Вдохнув аромат свежезаваренного кофе, Сима налила его в большой пестрый бокал. Включив новости и не вникнув в события, она уже начала ругаться.

– Чтобы все передохли, – на этой фразе раздался звонок в дверь.

– Любочка, – заулыбалась Сима. – А я вот кофе сварила по твоему рецепту, проходи.

Критически оглядев стол, Любовь Всеволодовна не смогла скрыть свое недовольство.

– Зачем такой большой бокал? А сало с колбасой вообще неуместно подавать к утреннему кофе. Хлеб лошадиными кусками нарезан. Нет, Сима, это не мой рецепт. Мой – это маленькая чашечка кофе с тоненькими ломтиками сыра и подсушенный в тостере хлеб. Не бутылка молока на столе, а молочник со сливками. Помнишь, как у Пушкина: «И мальчик сливки подавал»? – она закатила глаза вверх.

– Ну, это слишком изысканно, – с обидой в голосе сказала Сима. – Я по-простому. Мы музыке не учились.

– Да ладно, не заморачивайся. Это я так… Для себя напоминание. Я вот зачем пришла, – Люба, усевшись на стул, твердо сказала:

– Надо сходить к Маше и извиниться за вчерашнее недоразумение.

– Кому идти надо?

– Тебе, ну и я само собой.

– А с чего вдруг я пойду? Пусть Колька и извиняется. Он сбил меня с толку, ему и ответ держать.

– Ну, о чем ты говоришь, Сима?

– Все равно скоро мать в могилу загонят. Что Зинка, что этот бандюган все нервы ей истрепали, а я извиняйся. Бежит черт, глаза выпучил, икону впереди себя держит. Я ему: «Коль, мать, что ли померла?». А он: «Некогда мне, не до тебя». Лиходей окаянный.

– Сима, черти с иконами не бегают, – улыбнулась Люба.

– Вон экстрасенс-шарлатан, которому я всю зарплату оставила, весь иконами увешанный, разве что на потолке нет.

– Пойдем, сходим к Маше.

– Кольку не хочу видеть.

– Так он ушел уже, я его с балкона видела.

– Бандюган окаянный… – Сима, крепко выругавшись, пошла переодеваться. – Машке все равно с такими поганцами. Жизни не будет. Сердце-то больное.

– Сима, все мы не жильцы в этом мире. Рано или поздно помрем. Нет ни одного человека, который не помер бы. Раньше или позже, какая разница. Идем уже,– поторопила Люба свою грозную подругу.

Глава 14

Лужи от палящего солнца стали быстро испаряться, создавая парниковый эффект. Люди, ехавшие в транспорте, были расслаблены, сонливы, что сыграло на руку Николаю. Прокатившись по нескольким маршрутам, он сумел ограбить приличное количество пассажиров. Хороший улов не поднял ему настроение, а даже наоборот разозлил.

– Растопырили карманы, придурки, Коленька, бери не стесняйся… Идиоты… Блин… Так им и надо, – он отправился на свое излюбленное место на берегу за рыбацким лодочным причалом.

Эту территорию горожане обходили, зная, что оно принадлежит рыбакам. Три огромных валуна разделили берег, создав бухточку. Устроившись удобнее, Николай достал все деньги и стал их пересчитывать. Среди купюр попалась маленькая иконка.

«Елки палки, опять двадцать пять», – в порыве раздражения он смял находку и отшвырнул в сторону.

Немного успокоившись, Колька подумал, что и раньше ему в кошельках попадались святые, но он по этому поводу не заморачивался. Что сейчас-то произошло?

Николай встал и бросился в воду, как будто там было спасение и ответ на его состояние. Место было глубоким, и Колька сразу скрылся под водой. Он плавал долго, азартно, пытаясь освободить себя от мыслей, не дающих ему покоя: об отце, объявившимся уже мертвым, о похоронах в понедельник, об иконе Николая Угодника, лежавшей у него под подушкой, о матери, которую вчера чуть не похоронили. Он плавал до одури, пытаясь через усталость забыть про все. Не его это тема. Он выбрал свою дорожку, но что-то пошло не так, и Колька это чувствовал. Когда утомленное тело дало о себе знать, он вышел на берег. Недалеко от его пожиток, сидел раздетый пожилой мужчина. Улыбка на лице, обрамленном бородкой, сразу вызвала у Кольки раздражение.

– Как водичка? – доброжелательно спросил сосед.

– Хорошая, – рявкнул недовольный Колька.

Подойдя к воде, незнакомец громко крикнул:

– Красотища-то какая, Господи! – и перекрестившись, поплыл медленно с наслаждением.

– Это что еще за чудо-юдо с бородой? – он посмотрел на аккуратно сложенную кучку одежды, сверху которой лежал сверкающий большой крест.

Раздражение сменилось удивлением, и Колька решил дождаться необычного соседа.

Глава 15

Готовить завтрак Зинке было лень. Она допила остатки молока с хлебом и, собрав пляжную сумку, выскочила во двор.

– Галя, Галя, – заголосила она под окнами у подруги.

– Спит Галя, – рявкнул отец, выглянув в окно.

– Скажите ей, что я на пляже, – не дождавшись ответа, она помчалась дальше.

Утренний эпизод с телеграммой нисколько не отразился на ее настроении.

– Васька, привет, – увидев знакомого возле входа на пляж, Зинка искренне обрадовалась. – Слушай, как хорошо, что я тебя встретила. Одной как-то не в кайф загорать.

– А где твоя Галя? – длинновязый с выгоревшими светлыми до плеч волосами семнадцатилетний Вася явно тоже был рад встрече.

– Да дрыхнет, бока наращивает. Купи мне мороженое, позавтракать не успела.

– У меня нет денег, – покрасневший от кончиков волос до пяток подросток опустил глаза.

– Даже на мороженое?

– Даже на мороженое!

– Ну ладно, нищета, пошли место занимать под солнцем.

– Я не нищета, так сложилось.

– Да я шучу, – она рванула вперед, расталкивая толпу у ворот.

Сдвинув чьи-то пожитки, Зинка бросила свое покрывало и, приказав молодому человеку сторожить вещи, убежала, скрывшись среди плавающих людей. Он смиренно сидел, дожидаясь возвращения девочки, которая вводила его в смущение.

Василий был немного старше Зины и совсем не из робких. Окончив школу всего с тремя четверками, он собирался в Москву учиться дальше. Сейчас предстояли экзамены, и рассиживаться на пляже было совсем некогда, но Вася, как приклеенный, сидел на подстилке. Уверенная в себе девчонка давно привлекала его внимание.

– Ну что, сторож, иди теперь ты купайся, а я Галке пока позвоню. Пусть бутербродов притащит.

Галя быстро собралась и вот уже перешагивала через тела загорающих людей.

– Мы здесь! – заголосила Зинка, размахивая руками.

И тут на глазах у подружки молодой человек подставил подножку Галке, и та со всей своей тяжестью рухнула на лежащего мужчину. Сначала поднялся громкий хохот, но, когда мужчина вылез из-под Галины и начал бить ее ногами, стало не до веселья. Васька кинулся отталкивать вояку, но тот оказал сопротивление, ударив в челюсть заступника. Пришли на помощь еще несколько человек и оттащили буяна в воду. Зинка подошла к парню, который был виновником драки.

– Ну и сволочь же ты! Зачем подножку подставил, а? – она как тигрица прыгнула на него, расцарапав лицо.

Васька поднял плачущую Галку, собрал пожитки и велел девчонкам идти за ним. Оказавшись вдали от места происшествия, Зинка, ощупав Галю, спросила:

– Где болит?

– Везде.

– Идем ко мне. Умоешься и проверим, что к чему, – скомандовала Зинаида. – Вась, а тебе спасибо, мы дальше сами.

Глава 16

На небе появились облака. Солнышко играло в прятки с природой, то появляясь, то исчезая. Николай вот уже с полчаса ждал странного соседа, который резвился в водах Волги. Наконец, он вышел на берег, и, сделав несколько упражнений, направился к Кольке. Усевшись рядом и глядя вдаль, тихо сказал:

– Как прекрасен сей миг, запомни это состояние. Оно может больше не повторится.

– Почему не повторится? Я каждый день здесь сижу.

– Каждый миг разный. Этот отойдет в прошлое. Как тебя зовут?

– Николай Погодин.

– Спрашивай, Николай Погодин!

– А что спрашивать-то?

– Ты же меня ждал зачем-то?

– Вы кто?

– Священник.

– А разве священники купаются? – искренне удивился Николай.

Старик рассмеялся от души.

– А как же не купаться, мил человек, солнышко-то вон как жарит, а Волга-матушка зазывает в свои объятия. Ох, развеселил ты меня.

– Чего-то вы больно смешливый.

– Радостно мне. Состояние души такое. Чем больше радуешься, тем больше радости вокруг. Чем больше кручинишься, тем больше печали вокруг. Все просто!

– Все-то у вас просто… – Николай почему-то стал раздражаться.

– Вот видишь, Колюшка, моя радость с твоей печалью не уживаются. Тебя моя радость раздражать начинает, а меня твоя печаль совсем не задевает. Стало быть, радость сильнее печали.

– Вы – священник, вам положено, наверное, в радости пребывать.

– Нет, милый, если бы только священнослужители радовались, то Земля уже погибла бы от безысходности.

– Странный у нас разговор. Можно подумать, что Земля не гибнет. Вон что кругом творится.

– Прав, Колюшка. Люди в злобе могут достичь разрушения в пространстве. Сколько усилий опытных ткачей нужно, чтобы залечить эти раны. Война миров идет.

– Чего?

– Война миров идет. Мир Света и радости борются с миром Зла и уныния. Вот ты, на чьей стороне воюешь?

Колька на мгновение задумался, и, поняв, что он явно воюет на стороне зла, заносчиво ответил:

– На стороне тьмы!

– Молодец, честно ответил. Зачастую люди не хотят признаться, что душу дьяволу продали.

– Вы что же думаете, я душу продал? – такой вывод Кольке совсем не понравился.

– Твоя жизнь, сам решай, продал или нет. Я не судья. Но совет могу дать.

– Сейчас к вере будете призывать?

– Да Бог с тобой, Коля Погодин. Вера без дел мертва. Никакое механическое причастие не может спасти наши души, ибо вера без дел мертва, еще раз повторюсь – вера без дел мертва. Невежество, Коля, есть корень зла. Война сначала в душах и мозгах людей начинается, а потом

только в мировой конфликт перерастает. Сознание у людей слабое. Вот и мечутся от добра к злу, от зла к добру.

– Да потому что живем в дерьме.

– Кто же это дерьмо создает, не мы ли сами? А потом начинаем причитать: страна плохая, законы плохие, все плохо, а сам-то что сделал, чтобы было лучше? Впусти радость, Коля, в душу, наполни день радостью и тьма рассеиваться начнет.

– У меня, батюшка, отец умер. В понедельник похороны. Он нас много лет назад бросил и ни разу не появился. А сегодня – телеграмма…

– Ехать надо. Прости его, сам таким не будь. Облегчи ему участь.

– Как простить-то? Я из-за него в колонию попал, по дурной дорожке пошел.

– Не из-за него ты по дурной дорожке пошел, а из-за обиды, агрессии. Прости его.

– Я здесь икону Николая Чудотворца нашел. Мне друг сказал, что это знак с того света.

Священник опять рассмеялся, да так заразительно, что Колька тоже заулыбался, сняв с себя напряжение.

– Где тот свет-то, кто из нас знает? Мы этот не знаем, как следует. Покровитель у тебя объявился.

– И что же мне теперь делать?

– Молиться Николаю Чудотворцу. Случайностей не бывает, это знаки судьбы на пути. Главное – не пройти мимо, иначе, можно упустить шанс изменить свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.